

Социальные структуры офицерского корпуса «Великой армии».

к.и.н. В.Н. Земцов

Вопросы, связанные с социальным происхождением офицеров, их подготовкой, доходами и в целом системой стимулирования, не раз рассматривались в исторической литературе. Среди работ последних десятилетий особенно выделяются труды Ж. Удайля, Ж.-П.Берто и О.В. Соколова.¹ Основными выводами этих работ можно считать следующее. Социальное происхождение офицера приобрело более демократичный, чем при Старом порядке, характер. Основную массу в офицерском корпусе составили представители средних классов, более четверти - выходцы из крестьян и ремесленников. Но при этом было немало выходцев из дворянства. Жалованье офицеров стало значительным, в идеале обеспечивало им прочное материальное положение,² в то время как значение иных, неслужебных доходов заметно сокращалось. Основная масса офицеров име-

ла к 1812 г. значительный срок выслуги. Для лиц в звании от капитана до полковника он был от 18 до 22 лет. Причем это сочеталось с великолепными средними показателями по возрасту офицеров: командиры батальонов были лет сорока, капитаны - 35-40 лет, лейтенанты - более 30 лет. Правда, к 1812 г. стало заметно увеличиваться количество молодых су-лейтенантов и лейтенантов благодаря деятельности специальных военных школ и лицеев, но это не оказывало негативного влияния на качество офицерского корпуса. Учебные заведения - Сен-Сирская военная школа, Политехническая школа, Сен-Жерменская кавалерийская школа и Ветеринарная школа - выпускали отличных специалистов. В целом офицерский корпус был великолепен.

Без сомнения, эти выводы, сделанные на основе социологических подходов и количе-

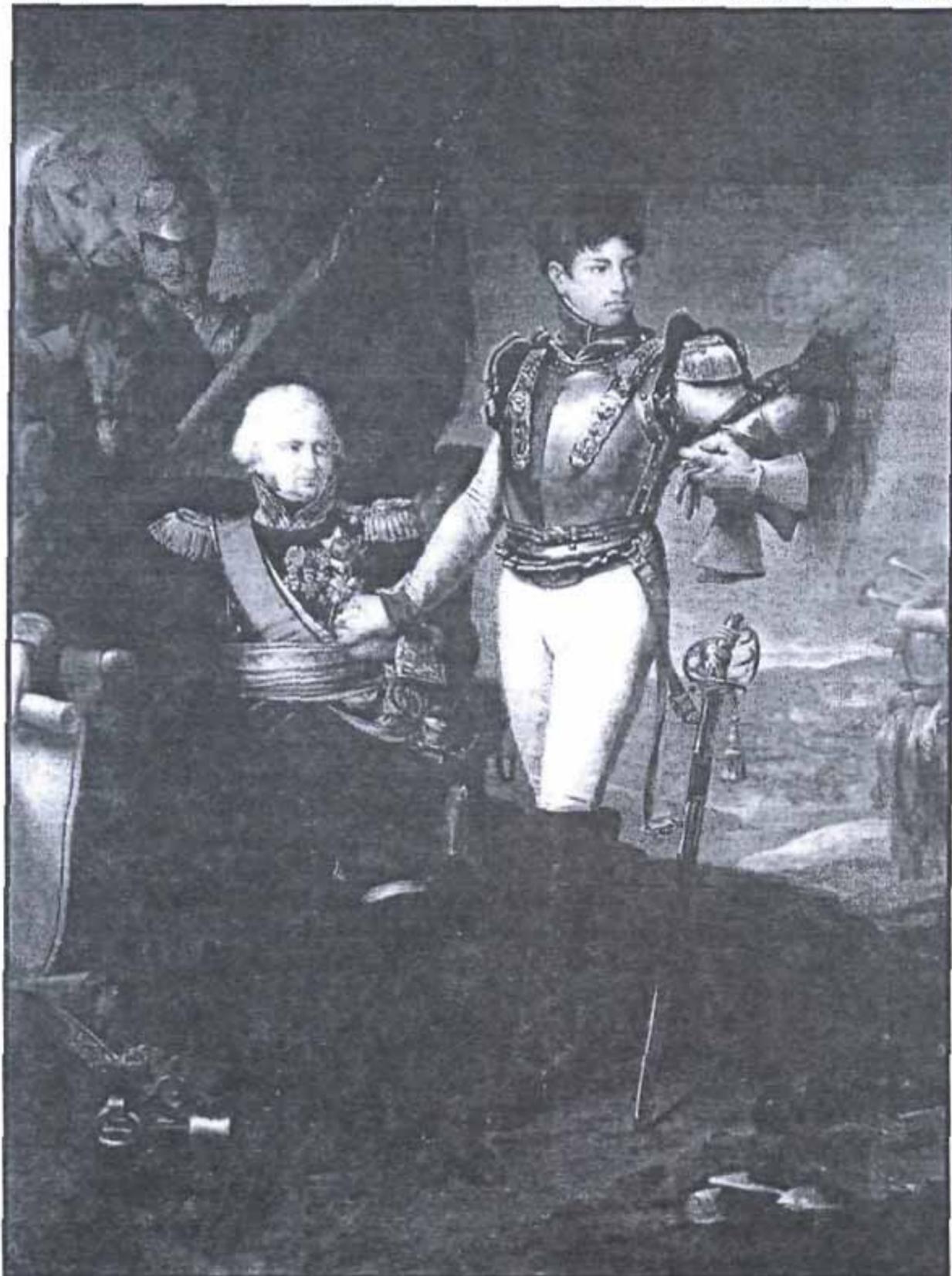
ственных данных, чрезвычайно важны. Однако без обращения к личностному аспекту и без выявления особенностей человеческих взаимоотношений в среде тех офицеров и генералов, которые оказались на Бородинском поле, многое останется непонятным. Важнейшим моментом, не поддающимся количественному измерению, является система родственных и служебных связей. Воистину поразительно, насколько сроднились между собой многие офицеры и генералы Великой армии! Так, начальник 1-го армейского корпуса маршал Даву был женат на Луизе Эме Жюли, приходившейся сестрой генералу В.-Э. Леклерку, который был первым мужем сестры Наполеона Полины Бонапарт. Генерал Фриан, командир 2-й пехотной дивизии, находившийся в подчинении у Даву и на которого маршал уверенно мог положиться, был мужем одной из дочерей Леклерка - Луизы Франсуазы Шарлотты. Дядя Даву барон Ж.-Ш.М. де Бопре служил в чине бригадного генерала в штабе 1-го корпуса. Брат жены Даву граф Леклерк дез Эссар, также в чине бригадного генерала, служил в 3-й пехотной дивизии того же 1-го армейского корпуса. Маршал, будучи контужен 7 сентября, уже на следующий день первым делом сообщил жене о том, что ее брат и дядя вышли совершенно невредимыми из сражения.³ В том же 1-м корпусе бок о бок служили генерал Фриан и его сын капитан Жан Франсуа, бывший адъютантом у отца. Они оба будут ранены в ходе сражения. Вместе оказались на поле сражения под Бородином генерал Дезе, командир 4-й пехотной дивизии корпуса Даву, и его брат. При штабе Даву находился майор Ле Руа, сын которого сержантом воевал в 85-м линейном того же корпуса. После страшного сражения они будут разыскивать друг друга.

Адъютантом в чине начальника эскадрона состоял при своем отце генерале Груши его сын Альфонс-Фредерик-Эммануэль. Брат жены Груши Луи-Адольф Ле Дюльсе де Понтекулан, закончив в мае 1812 г. военную школу в Сен-Сире, тоже поспешил добраться до России и, став лейтенантом 19-го конно-егерского полка, оказался при штабе Груши. Он будет взят в плен в Вильно. Сын великого камергера А.Е.П. графа де Монтескье Фезенсака командир эскадрона Рай-

¹ Houdaille J. *Les officiers de la Grande Armée: étude par sondage sur l'âge, l'origine régionale et le destin des officiers* // *Revue de l'Institut Napoléon*. CVIII. 1969; *Ejusd. L'officier français des origines à nos jours*, Saint-Jean-d'Angely, 1987; Bertaud J.-P. *Napoleon's officers // Past and Present*. 1986. № 112; Соколов О.В. *Армия Наполеона*. С. 71-116.

² См. интересную таблицу о денежном довольствии офицеров, оказавшуюся в трофейных документах 1-го корпуса Даву: *Отечественная война 1812 г. Отд.2. Т.1. № 521. С. 326-329.*

³ D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville). *Le marechal Davout, prince D'Eckmühl*. P. 1880. T.3. P.168.

Дивизионный генерал граф Ж.А. Бастон де Ларибуасьер и его сын, лейтенант 1-го карабинерского полка, Ф. Бастон де Ларибуасьер.

мон Эмери-Филипп-Жозеф де Монтескье барон Фезенсак был определен поближе к своему кузену генерал-адъютанту Нарбонну, который время от времени сообщал своему родственнику об успехах сына.⁴ Причем сам барон Фезенсак был женат на дочери военного министра Кларка герцога Фельтрского и, перенося тяготы русского похода, постоянно вспоминал о своем маленьком сыне, родившемся в декабре 1810 г. Адъютантом у Ф.-П. Сегюра был капитан Жозеф Альбер Баклэ д'Альб, сын начальника топографического кабинета императора.⁵

Будет тяжело ранен под Бородином полковник 7-го драгунского полка барон Луи-Амбруаз-Бартоломе Сопранзи. Он был сыном от первого брака Джузеппины Каркано, являвшейся любовницей начальника генерального штаба маршала Бертье. Сам же Бертье был женат на двоюродной сестре жены принца Евгения, командира 4-го армейского корпуса.

Далее: оказались в русском походе братья Лельевр де Ла Гранж. Двое из них окажутся на Бородинском поле - Арман Шарль Луи, бригадный генерал, командир бригады 5-й кирасирской дивизии, и Анж Франсуа, штабной полковник в главном штабе Великой армии. Последний за Бородино станет офицером ордена Почетного легиона.⁶

Генерал-адъютант императора Лористон имел сына Огюста, состоявшего при Наполеоне. У командира 16-й бригады легкой кавалерии генерала Сюберви в адъютантах был его брат су-лейтенант 10-го конно-егерского полка. На следующий день после Бородина раненый генерал Сюберви будет просить о награждении брата за "москворецкую битву".⁷ Граф Ламберти, шталмейстер Наполеона, станет весь день переживать за своего младшего брата су-лейтенанта 2-го карабинерного полка. В 1-м карабинерном окажется су-лейтенантом только что перешедший из пажей Фердинанд Гастон де Ларибуазьер, младший сын начальника артиллерии Великой армии дивизионного генерала Жана-Амбруаза Бастона де Ларибуазьера, служившего еще вместе с су-лейтенантом Бонапартом в Валансе. Фердинанд будет смертельно ранен при Бородине, получит крестик Почетного легиона и умрет в страшных муках в Можайске. Другому сыну генерала Оноре-Шарлю Бастону, капитану, состоявшему адъютантом при отце, предстоит везти на родину сердце брата.

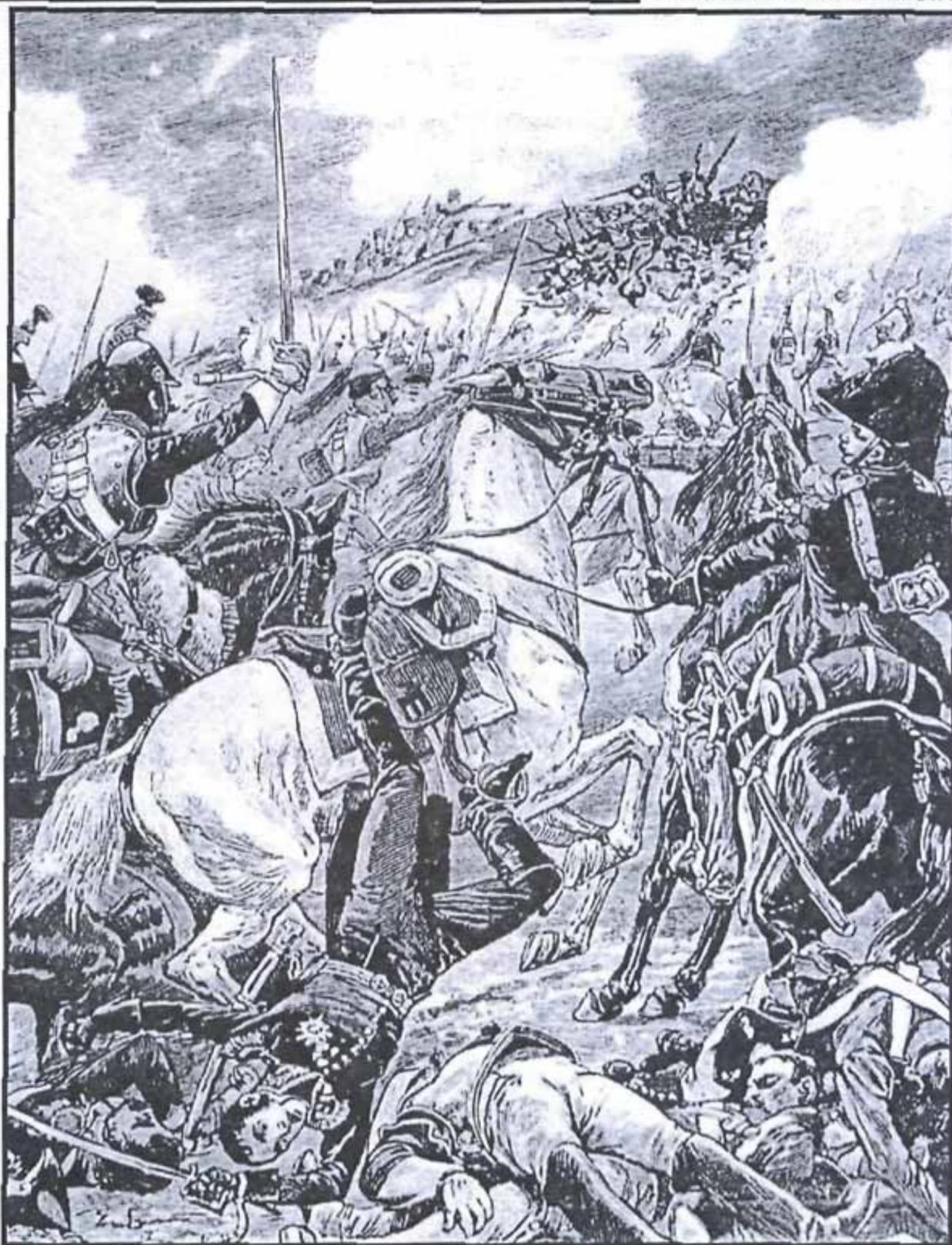
Су-лейтенантом 6-го гусарского оказался на Бородинском поле Жозеф-Шарль-Гий-

⁴ См., например, интересное письмо: Нарбонн - графу Монтескье Фезенсаку. Смоленск, 11 ноября 1812 г. // РГАДА. Д.266. Л.109-110.

⁵ Брат Сегюра Октав-Анри-Габриэль, капитан 8-го гусарского полка, попал в русский плен 28 июня 1812 г. А старший из сыновей Филиппа-Поля Сегюра Анри Раймон Эжен женился на дочери Ф.В. Ростопчина Софье! Как переплелись судьбы!

⁶ РГАДА. Д.279. Л.14-16. К ходатайству генерала Дюронеля приложен послужной список де Ла Гранжа. Он начал службу в 1793 г.

⁷ Сюберви - Бертье. В тылу поля битвы при Бородине, 8 сентября 1812 г. // Chiquet A. Lettres de 1812. P.16-17.

Бомблед. Смерть генерала О. Коленкура.

ом Даниэль, сын Элизабет-Огюсты Даниэль, любовницы дивизионного генерала Ж.-А. Жюно. А кузина Жюно 14 апреля 1812 г. стала женой Луи Бро, капитана гвардейских конных егерей, также находившегося на поле боя.

Пережил страстный роман с сестрой Наполеона Полиной, которая, как мы уже знаем, была связана родственными отношениями с Даву и Фрианом, командир эскадрона 2-го конно-егерского полка Арман-Жюль-Элизабет де Канувиль, ему суждено будет погибнуть вместе с Огюстом Коленкуром у "большого редута". Брат Канувиль, Александр-Шарль-Мари-Эрнест, будучи квартирмейстером дворца и присутствуя при сражении, будет оплакивать его смерть.

Прибывший накануне Бородинского сражения и ходивший в атаку на "большой редут" адъютант маршала Мармона капитан Шарль Никола Фавье к тому времени уже находился в тесных, но, правда, пока только дружеских отношениях, с женой всеильного Дюрока. В 1802 г. 14-летней девочкой она вышла замуж за будущего герцога Фриульского, а овдовев в 1813 г., станет баронессой Фавье.

Перечислять родственные, любовные, а тем более служебные связи бойцов Великой армии можно было бы бесконечно долго. Но уже вполне очевидно, что на поле под Бородином оказалась достаточно прочная корпорация военных, слившихся друг с другом за годы совместных боев и походов. Но и это не все.

Поступки многих генералов и офицеров, а иногда и солдат на Бородинском поле возможно понять только путем проникновения во внутренний, душевный мир этих людей, который, в свою очередь, может быть раскрыт через их взаимоотношения с близкими. Одной из ключевых фигур сражения стал Огюст Жан-Габриэль Коленкур, дивизионный генерал и комендант Главной квартиры императора, овладевший, согласно французской версии, "большим редутом". Присмотримся к нему повнимательнее. Младший брат знаменитого герцога Виченцкого, родившийся в 1777 г., Огюст Коленкур особенно отличился при Арсобиспо в Испании, когда он 8 августа 1809 г. с отрядом драгун переправился вброд через р.Тагус, атаковал силы герцога Альбукерского с тыла и захватил укрепленный мост. 7 сентября (sic!)

1809 г. он стал дивизионным генералом. Красивый, благородный и рыцарственный, он вызывал всеобщую симпатию и восхищение. Императорские пажи (среди которых между прочим был и Фердинанд Ларибуазьер), начальником которых его сделали в 1811 г., боготворили его. 21 апреля 1812 г. он женился по большой любви на юной и восхитительной Анриет-Бланш д'Обюссон де ла Файад. Расставание с молодой женой перед русским походом вызвало тяжелые предчувствия у Коленкура, к которым добавились ещё и физические страдания, вызванные ранее полученными боевыми ранами. С началом войны Огюстом завладело подавленное настроение. Он старался бороться с ним, безупречно исполняя с 7 июля обязанности коменданта Главной квартиры. Но ко времени Бородинского сражения психологическое состояние генерала резко ухудшилось. Ещё 29 июля при Рудне был ранен брат его жены Огюстен-Пьер д'Обюссон де ла Файад, лейтенант 9-го гусарского. Пуля попала ему в шею и в правое плечо. Обожая свою жену, Огюст представлял, как та будет огорчена раной брата. Перед самым сражением пришла еще одна тяжелая весть: другой брат жены - Анри Раймон, су-лейтенант 7-го конно-егерского, был убит 3 сентября при Полоцке. Ночью перед битвой секретарь Наполеона Фэн увидит, как Коленкур, лежа на раздвижной кровати в императорской палатке, укрывшись плащом и подперев голову локтем, будет смотреть на миниатюрный портрет своей жены.⁸ Всю ночь он не сомкнет глаз. Когда станет светать, Огюст поделится своими настроениями с генералом Компаном. В письме к жене Компан, предвидя горькие слезы семьи де ла Файад, напишет так: "Этот храбрый Огюст сильно страдал. Я не думаю, что он мог бы долго прожить. Он мне вдобавок сказал утром перед своей смертью, что он уже не может дольше выносить эту усталость, что он не смыкал глаз ночью и что он под тяжестью неслыханных страданий... В то время, как он рассказывал это мне, я варил для него на биваке в последний раз добрую чашку кофе".⁹ В течение всего сражения Коленкур пытался не думать о физической и нравственной боли, он был деятелен, беспрепятственно скакал на коне. Но когда Наполеон поручил ему 2-й кавалерийский корпус и приказал взять "большой редут", Огюст испытал жгучую потребность принести в жертву свою жизнь.

Иные настроения одолевали Жюно. Былой красавец, вулканическая натура, "Жюно-буря", как его прежде называли, выглядел 7 сентября апатичным, дряхлым и состарившимся. Капитан 7-го гусарского В. Дюпюи, прискакавший в разгар сражения с донесениями к Жюно, увидел, как тот расположился позавтракать на поляне в Утицком лесу. "Прежде этого, - вспоминал Дюпюи, - 8 или 9 лет ранее, в Булонском лагере, я видел красивого генерала Жюно, который

своей фигурой, манерой держаться и внешним видом превосходил всех офицеров армии! Но как он изменился! Я увидел толстого человека со сгорбленной спиной, с "изломанной" и отталкивающей фигурой, одетого с небрежностью в потрепанный редингот, который, трудно было сказать, сколько лет носился".¹⁰

Командуя 8-м армейским корпусом, Жюно вел себя апатично, испытывая приступы психической болезни. Началась она давно, после того, как Жюно был втянут в опасную интригу женой Мюрата и получил "разнос" от Наполеона. Будучи женат на Лауре Пермон, талантливой, цепкой и честолюбивой женщине, он между тем не отличался осторожностью в своих любовных увлечениях. Зимой 1806 - 1807 гг., когда Наполеон был в походе, а Жюно оставлен губернатором в Париже, он страстно влюбился в герцогиню Бергскую, жену Мюрата Каролину. Каролина, не разделяя любовного пыла Жюно, надеялась его использовать, чтобы обеспечить за собой и мужем первую роль в случае смерти императора на поле боя. Наполеон, возвратившись в Париж невредимым, устроил Жюно головомойку. Чуть было не произошла и дуэль бывшего губернатора с Мюратом. Наполеон предотвратил дуэль; но лишил своего давнего товарища расположения.¹¹ После неудачного похода в Португалию, где Жюно надеялся заслужить маршальский жезл, а затем боев в Испании и на Рейне он оказался удаленным от военного поприща, получив назначение правителем Иллирийских провинций.

Неуемное честолюбие Жюно и память Наполеона о былой дружбе позволили генералу получить назначение в армию, которая готовилась к вторжению в Россию. В конечном итоге, 30 июля 1812 г. он оказывается во главе 8-го корпуса, все еще надеясь получить маршальские регалии. Однако психическое состояние Жюно было уже удручающим. В начале 1812 г. он, к примеру, даже перепугал письма, отправленные в один день жене и любовнице баронессе Элизабет Августе Даниэль, вложив их не в те конверты.¹² После Смоленска, у Валутинной горы Жюно, испытывая приступы психического расстройства, не смог выполнить поставленной перед ним важной задачи. Хотя вестфальские солдаты, во главе которых он был, показали себя великолепно, но поведение их начальника удивляло многих. Трудно сказать точно, насколько были справедливы упреки Наполеона, возложившего исключительно на одного Жюно вину за большую неудачу у Валутинной горы, но очевидно, что болезнь генерала сыграла не последнюю роль. Разговоры о его психическом расстройстве, начавшие циркулировать по всей армии, от маршалов до рядовых, не могли не

¹⁰ Dupuy V. *Souvenirs militaires*. P. 1892. P.179.

¹¹ Об этой "истории" 1806-1807 гг. и о том влиянии, которое она оказала на психику Жюно, достаточно ясно рассказала в своих мемуарах его жена д'Абрантес. *Записки герцогини д'Абрантес*. М., 1836. Т.9-10.

¹² См., например: *Lettres interceptees*. P.89. Note2.

достичь и ушей Жюно, что еще более подавляло его волю.¹³

До нас дошло множество писем Жюно, отправленных во время русского похода. Если в своей деловой корреспонденции и в посланиях любовнице генерал еще сохраняет достойный тон,¹⁴ то в письмах жене¹⁵ он уже не считает нужным скрывать свою боль, усталость и желание как можно скорее расстаться с войной. "Никогда не испытывал я так как сего дня, нетерпения свидеться со всеми существами, которых так сильно люблю! - писал он, к примеру, 6 октября из Можайска, - У меня нет больше никаких других обетов, никаких желаний, кроме одного, чтобы моя Лора и мои дети любили меня... чтобы она была здорова, добра, мила... больше не желаю ничего на свете... Но, моя драгоценная Лора, как далеко отсюда до Парижа! Ты не можешь составить себе никакого понятия об этом... Все далекие путешествия только прогулка в сравнении с этим...".¹⁶ Стоит ли удивляться, что перед генеральной битвой Наполеон передал 8-й корпус под общее командование маршала Нея? Однако, не решившись сместить своего старого друга Жюно, он оставил его во главе 8-го корпуса, тем самым лишив вестфальцев деятельного оперативного руководства.

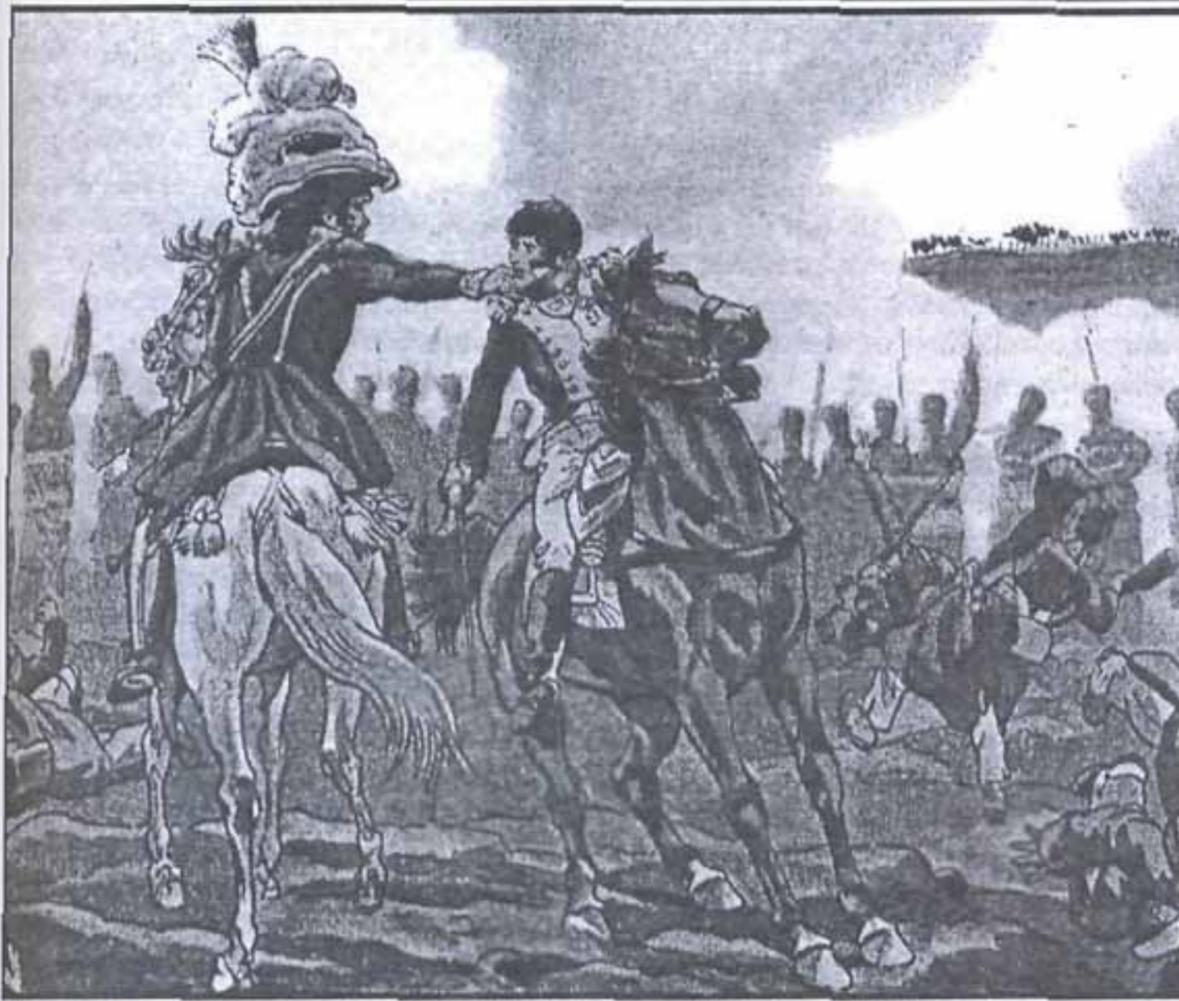
При знакомстве с внутренним миром командного состава наполеоновской армии обнаруживаешь важную особенность: тесные родственные и служебные отношения в соединении с борьбой честолюбий я характеров приводили в среде маршалов и генералов к все более усиливавшимся трениям и столкновениям. Та степень честолюбия, которая до поры до времени благоприветствовала функционированию армейских структур, к 1812 г. переросла свои оптимальные размеры и стала во многом фактором негативного порядка. Наиболее известный пример связан с историей взаимоотношений Мюрата и Даву во время русского похода. Их части формировали авангард главных сил Великой армии, но из-за несхожести темпераментов и из-за личной предубежденности по отношению друг к другу во взаимодействии пехоты и кавалерии авангарда происходили постоянные сбои. Столкновения двух полководцев стали особенно усиливаться по мере приближения дня генеральной битвы. "Принципиальной позицией Неаполитанского короля является его нежелание быть под командой маршала Даву", — отметил в письме генерал Маршан, командир 25-й дивизии 3-го армейского корпуса.¹⁷ Это привело к тому, что Наполеону далеко не во всем уда-

¹³ См., например: Брандт Г. *Воспоминания // Записки современников 1812 года*. СПб., б.2. С.88-89; Meneval C.-F. *Memoires to serve for the History of Napoleon I. L., 1894. Vol.3. P.51; etc.*

¹⁴ См.: РГАДА. Д.251. Л.1. 5-5об., 9-10, 21-22об., 24-24об., 163; Д.266. Л.292-293; *Lettres interceptees*. P.84-87, 89-90; etc.

¹⁵ См.: РГАДА. Д.251. Л.12-13об., 18-18об., 25-26; РГВИА. Ф.151. Оп.1. Д.92. Л.30-31; *Lettres interceptees*. P.82-83, 87-88; etc.

¹⁶ Цит. по: д'Абрантес. *Указ.соч.* М., 1837. Т.14. С. 329.

Жоб. Дж. Мюра в битве при Москве-реке.

лось обеспечить подготовку к сражению, а в ходе него - эффективное взаимодействие пехоты и кавалерии. Французская кавалерия, сильно ослабленная к генеральной битве, хотя и смогла сыграть решающую роль на некоторых участках боя 7 сентября, оказалась совершенно расстроенной к его окончанию.

В постоянных стычках между Мюратам и Даву Наполеон занимал двойственную позицию. С одной стороны, он понимал справедливость аргументов Диву; не желавшего без нужды утомлять и расстраивать пехоту, с другой — его собственное решение как можно скорее и любой ценой догнать русскую армию заставляло его не останавливать Мюрата в необдуманном расходовании сил кавалерии. Внутренне Наполеон, по-видимому, был солидарен с Мюратам, но не хотел этого обнаруживать. Когда обвинения Даву в ходе этих нескончаемых стычек стали уже затрагивать честь Мюрата, наполеоновского зятя, император получил формальное право проявить свое неприятие к Даву. В день сражения корпус Даву оказался раздробленным: две дивизии были вручены командованию принца Евгения, одна - оставлена в резерве, а маршал должен был с двумя оставшимися штурмовать Багратионовы "флеши", что закончилось неудачей. Предложение Даву обойти в ночь на 7-е левый фланг русских, используя для этого весь 1-й корпус и войска 5-го корпуса. Наполеоном было отвергнуто с раздражением, "Рациональные" объяснения этого шага, которые обычно дают военные историки, явно нуждаются в уточнении и с личностной, психологической точки зрения.

Столкновения Даву и Мюрата, до известной степени провоцируемые Наполеоном, втягивали в свою орбиту генералов, подчиняли

ним Неаполитанскому королю и герцогу Экмюльскому, а это, в свою очередь, вызвало конфликты в отдельных арамейских частях. Тирион, старший вахмистр из 2-го кирасирского полка, вспоминал, как их дивизионный начальник генерал Сен-Жермен, буквально следуя приказам Мюрата, совершенно измотал людей и лошадей своих полков. Офицеры и рядовой состав были нас только взвинчены губительным действием приказов Сен-Жермена, что решились на открытый конфликт с ним.¹⁸

Оставляли желать лучшего в день Бородине и личные взаимоотношения между Наполеоном и его правой рукой, начальником Генерального штаба маршалом Бертье. Еще в Гжатске император допустил по отношению к Бертье непозволительную резкость, после чего начальник штаба больше не присутствовал на обедах императора вплоть до Можайска.¹⁹

Менее очевидны факты, говорящие о внутреннем конфликте между Наполеоном и Ю.-А. Понятовским. В Смоленске Наполеон незаслуженно задел национальные чувства Понятовского, усомнившись в воинской доблести вверенного ему корпуса. Конфликт этот не стал далее разрастаться. Понятовский смог сдержать чувства негодования, однако в действиях императора с той поры все более стали угадываться оттенки недоброжелательства к польскому князю и его корпусу. В 18-м бюллетене, где Наполеон восторженно объявил миру о Бородинской битве и доблести своих воинов, только о Понятовском было сказано, что он "сражался за леса с переменным успехом".²⁰

¹⁸ (Колюбакин Б.М.) 1812 год. Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка о кампании 1812 года СПб., 1912. С.22-23. ¹⁹ Denniee P.-P. Itineraire de l'Empereur Napoleon pendant la campagne de 1812. P. 1842. P.62.

Вообще, если та часть Великой армии, которую составляли солдаты и офицеры, являла собой достойный восхищения социальный организм, то генералитет, особенно высший генералитет, во многом, говоря словами А.З. Манфреда, погружался в "трясину корыстных расчетов, мелкого себялюбия, обмана и лицемерия".²¹ В документах о денежных награждениях за Бородинское сражение поражает та гигантская разница, которая существовала в оплате крови и пота офицерского и высшего генеральского состава. Напомним, что офицеры получали обычно в 1812 г. не более 500 франков в качестве единовременного вознаграждения, в то время как "дотации" генералитета выражались пяти-, а то и шестизначными цифрами. Генерал Груши получил 18440 франков, генерал Маршан - 24665, генерал Фриан - 26934, генерал Бельяр - 27130, маршал Ней - 28326, генерал-адъютант Мутон - 32178, генерал Красинский - 35867, Бертран - 36357 франков. Больше всех, в том числе, видимо, в качестве компенсации за контузию, получил Даву - 293201 франк 47 сантимов!²² Наполеон не забывал и семьи погибших генералов. Так, графиня Гюден, муж которой погиб у Валутиной горы, по декрету 15 октября стала получать пенсию в 12 тыс. франков.²³ Сын генерала Ромёфа, умершего от раны, полученной 7 сентября, по декрету от 26 сентября приобрел титул барона и ту "дотацию", которую имел генерал.²⁴ И так далее, и так далее.

Солдаты и офицеры все более ощущали ту пропасть, которая была между ними и тесным мирком высших начальников. Стендаль, который прикоснулся к этому миру, но не попал в него, так передал чувства многих, участвовавших в русском походе: "Я увидел в нескольких шагах от себя двух или трех убитых... генералов, и у меня вырвались слова, которые могли погубить меня: "Несколькими наглецами меньше!"²⁵

²⁰ Без сомнения, неровный характер личных взаимоотношений Наполеона с Понятовским имел под собой, во многом, политическую основу. В то время как французский император пытался превратить поляков в послушное орудие своей внешней политики, Понятовский демонстрировал решимость не мириться с ролью такого рода. Начиная с войны 1809 г. он неизменно проявлял известную самостоятельность в своих действиях, что вызывало раздражение Наполеона. После Бородинского сражения Наполеон, недовольный действиями 5-го корпуса, все же решил не раздражать поляков и без изменений подписал списки чинов корпуса на награждение орденом Почетного легиона (в общей сложности на 122 чел., не считая генералитета). - РГАДА. Ф.846. Ф.16. Д.3605. Ч.2. Л.70-71.

²¹ Манфред А.З. Наполеон Bonapart. М., 1971. С.536.

²² Extrait des minutes de la Secretairerie d'Etat // РГАДА. Д.284. Ч.3. Л.74-94об.

²³ Lettres interceptees. P.99. Note 7.

²⁴ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.3606. Л.27.

²⁵ Цит. по: Фрид Я. Анри Бейль в 1812 году // Французский ежегодник. 1983. М., 1985. С.104.